

Алексей Литвинов

13 ЭТАЖ

18+

Алексей Литвинов

13 этаж

«Автор»

2026

Литвинов А.

13 этаж / А. Литвинов — «Автор», 2026

Фантастическая повесть, в которой миры напозают друг на друга и рассыпаются в прах, Зло хочет стать самой вечностью, а два друга-школьника пытаются противостоять концу света.

© Литвинов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Литвинов

13 этаж

Часть 1

Саша. Земля, обычный Город, 1990-какой-то год

Сашка полночи читал “Страну багровых туч” с фонариком под одеялом, поэтому, когда утром мама пришла будить его, просыпаться он категорически отказался. Маме пришлось возвращаться в Сашкину комнату аж три раза, чтобы хоть как-то растряссти сына и заставить его подняться-таки с постели. В первый раз она, как обычно, просто ласково почесала его по спине длинными ногтями. Сашка в ответ только зарылся глубже в подушки. Когда Сашка не появился на кухне, маме пришлось прийти к нему снова и в этот раз использовать подкуп, сказав, что сделала любимые Сашкины оладушки на завтрак. Когда и это не подействовало, мама пришла в комнату к сыну с войной. Она включила люстру (Сашка ненавидел верхний свет и никогда не включал его по своей воле) и строго сказала, что если он сейчас же не пойдет завтракать, то она по-настоящему обидится.

Для Сашки, как ни крути, это был серьезный аргумент. Ссориться с мамой он не хотел. Не потому что боялся ее. А потому что с веселой и своей в доску мамой хотелось дружить и радоваться каждому дню, а не враждовать. И уж тем более не хотел Сашка обижать маму по пустякам. Так что Сашка, хотя и изо всех сил делал вид, что реальность утра его никак не кольшет, но мамин строгий голос он слышал. И понял, что хочешь не хочешь, но идти в ненавистную школу придется. Придется чистить зубы, торопиться, есть впопыхах оладушки и бежать на дурацкие уроки.

И сейчас Сашка поймал себя на очень новом и очень странном чувстве. Раньше, сколько он себя помнил, он ничего похожего не испытывал. Теперь же оно посещало все чаще и чаще – он всерьез разозлился на маму. Зачем она будит его? Зачем вообще заставляет вставать? И чего он в этой долбанной школе не видел? Чему такому его там научат, чего он не мог бы вычитать сам из книг? Зачем ему терять драгоценное время своей жизни на тупых одноклассников и не менее тупых училок?

Саша – злой и помятый – все-таки встал с постели и поплелся на кухню, едва передвигая ногами.

– О! Явление Христа народу, – мама делала вид, что злится. – Садись, ешь быстрее. Остыло уже все, и времени мало осталось. Тебе еще зубы чистить.

– Не буду, – огрызнулся Сашка.

– Как миленький будешь, – отрезала мама и поставила перед Сашкой чашку с горячим какао.

Сашка воткнулся невидящими глазами в маленький работающий телевизор. Шли какие-то утренние новости, в которых Сашка ничего не смыслил.

– Ешь, пожалуйста, Саш, – мама села рядом с сыном и потрепала его по голове примирительно. – Опять читал полночи?

– Не читал. В лес ходил. В овраг, грибы собирать.

От прикосновения маминой руки Сашку внезапно пронзил электрический разряд ненависти такой силы, что он сам испугался. И почему он так злится на маму? Никогда же не было такого... И вообще, не она же придумала эту жизнь и эту школу.

Мама, само собой, почувствовала, что с сыном что-то не так.

– Саш, ну, что случилось? Расскажи мне? В школе что-то? С друзьями?..

– Нет у меня никаких друзей, – Сашка ощутил неприятную резь в глазах и горле. Только бы не заплакать.

– Почему нет? А Гречка?

– Гречка – дурак. Не то, что был Макс.

Мама слегка отодвинулась от сына.

– Саша... – в ее голосе теперь слышалась настоящая тревога, – Мы с тобой это обсуждали уже много раз. Мы с папой ничего не имеем и никогда не имели против того, чтобы у тебя были воображаемые друзья... Но нельзя же ими заменять настоящих друзей?

– В гробу я видал этих “настоящих”... – голос Сашки предательски дрогнул. – И Макс был не воображаемым. Хоть он и исчез и хоть вы все – все!!! – мне говорите, что его никогда не было! Но он был! А вы зачем-то мне врете! – Сашка уже кричал, по его щекам текли слезы, недоеденный оладушек остывал на тарелке, – И я не понимаю, почему?! Зачем вы меня обманываете?!

– Саша... – мама попыталась обнять сына, но тот выскочил из-за стола и пулей помчался в комнату. Ему как никогда хотелось поскорей убежать из дома. Не видеть этой квартиры, где его обманывают его самые близкие люди. Сбежать из этого панельного дома, куда подальше. Может быть, сбежать туда, куда отправился его задумчивый, белокурый друг Макс с улыбкой, от которой расцветают цветы. Сбежать в ту же жуткую черную дыру, в которой он пропал, растворился – навсегда, навсегда.

Сашка увернулся в коридоре от мамы, которая попыталась его остановить, обнять, успокоить, поговорить. Он выскочил из квартиры, захлопнул за собой дверь, яростно надавил кнопку лифта и стал ждать.

Семнадцатизэтажка тихо гудела утренним ажиотажем. Люди собирались на работу. Хлопали двери. Работали телевизоры. Лифты катались вверх-вниз без остановки. Сашку бесило и это. Как люди могут так спокойно продолжать жить, когда они все чуть было не погибли? Когда весь мир чуть было не взорвался, не растворился в адском котле? И когда только Максим – настоящий герой! – каким-то чудом смог остановить конец света? Почему все делают вид, будто ничего не было? Или они и вправду ничего не помнят? Может, они и вправду все отсутствовали, как школьники-лоботрясы на контрольной работе, во время того, как мир рушился вокруг Сашки и Максима?

Приехал лифт, и Сашку передернуло от воспоминаний, связанных с ним. Он вспомнил пожар на 13-м этаже. Он вспомнил красный свет аварийных ламп. Железные ворота с иллюминаторами вместо дверей. Скрежет металла...

Лифт приехал пустой. Саша нажал на кнопку, но не первого этажа, а тринадцатого. Лифт поехал вверх (Сашка жил на шестом). Когда двери со скрежетом разъехались, Саша сразу увидел то, чего хотел. Он боялся, что оно исчезло. Что свидетельство того, что все было вправду, в реальности – пропало. А значит, и пропало единственное доказательство того, что Сашка не сошел с ума и ему не приснился его лучший друг Максим и едкий дым на этаже, и разваливающиеся в щепки дома, и черный провал в бездну...

Все было на месте. Никуда не исчезло. Не стерлось. Единственная опора его маленькой жизни. Конец света ему не пригрезился. И Макс существовал в реальности – и он был и навсегда останется героем!

Саша и Максим. Земля, обычный Город, за три месяца до описываемых событий

Двери лифта со скрежетом разъехались на 13 этаже, и сначала все было нормально. Обычно. Как и все, что было с Сашкой и Максимом в этот ничем не примечательный день.

Был глубокий октябрь, на улице шел противный мелкий дождь. Чтобы немного развесялить друга, Сашка предложил пойти в падик вместо того, чтобы торчать на улице. Может, там будет, чем прикольным заняться?

Сашка и Макс были лучшими друзьями, они жили в одной многоэтажке на окраине очень большого города, учились в одном классе, вместе ходили в бассейн, вместе гуляли. Были не разлей вода. Макс всегда был спокойным, немногословным, флегматичным тощим пареньком, слегка лопухим, голубоглазым, с копной светлых, слегка вьющихся волос, за которые его прозвали в школе “Есениным”. Год назад у Макса умерла мама от рака, после этого (сообразительный и чуткий Сашка не мог не заметить этой перемены) он стал еще более замкнутым, тихим, молчаливым. Максим – и раньше-то не слишком стремительный в движениях – теперь перемещался в пространстве, словно в густом киселе, как будто в полусне. Движения его были тяжелыми, речь – замедленная. Он почти перестал улыбаться. И от этого Сашке было особенно тревожно, потому что раньше, когда Максим улыбался, мир вокруг моментально расцветал бриллиантовыми красками. От улыбки “Есенина” у всех – у взрослых и у детей – делалось на душе тепло и спокойно.

Теперь Сашка делал все, что было в его тринадцатилетних силах, чтобы вернуть улыбку друга. Сашка, конечно, пока еще не догадывался, что его скромных возможностей вряд ли хватит, чтобы вытащить друга со дна того бесконечно глубокого океана, в который тот погрузился после кончины мамы. Вот и сейчас Сашка пытался изо всех сил придумать что-нибудь классное. Тем более, что сегодня училка по математике заболела, и школьников отпустили с двух последних уроков.

– Погнали к бомбоубежищу, – предложил Сашка другу в школьной раздевалке, где галдящие подростки натягивали шапки, куртки, ботинки, – У меня еще петарды остались. Повзрываем там!

Макс не стал отказываться, но и особой радости не проявил – как обычно. Медленно пожал плечами и негромко сказал “пошли”.

“Бомбоубежищем” в народе называлась странная конструкция, притаившаяся во дворах квартала многоэтажек. Одна из высоток в центре двора стояла словно на постаменте высотой примерно в три этажа. Раньше на месте фундамента этого дома был большой холм, макушку которого срубили и разровняли строители. Склоны холма облагородили, их испещрили лестницы, ведущие к подъездам и “верхним” детским площадкам. Зимой эти склоны превращались в ледяные горки, с которых малышня каталась на санках, ледянках и снежокатах. Но была в этой инженерной конструкции и неподвластная детским умам странность.

Сашка побаивался этого места: оно было бессмысленным, но чарующим. Прямо в один из склонов холма вел длинный полу-тоннель без крыши, оканчивающийся высоченными – под четыре метра – решетчатыми воротами. Это был покатый асфальтированный проезд, который начинался от нижнего (Сашкиного и Максого) дома. Он вел прямо в склон холма, а затем и куда-то под землю. Стены тоннеля были забетонированы и покрыты белой краской, поверх которой, в свою очередь, местная детвора поколениями наносила многочисленные графические и каллиграфические творческие работы.

Сейчас Макс и Сашка шли по этому проезду, и стены слева и справа с каждым их шагом становились все выше и выше, серое осеннее небо над головой с виднеющимися макушками многоэтажек – все дальше и дальше. Шаги ребят разносились гулким эхом, под ногами скри-

пело стекло битых бутылок, в воздухе пахло чем-то кислым. У Сашки создавалось ужасно неприятное ощущение, будто он спускается куда-то в преисподнюю. Он уже пожалел о своем предложении пойти в “бомбоубежище”. Вряд ли тут могло что-то развеселить Максима. Однако отступить так просто было не в характере огненного Сашки. Он заорал дурным голосом:

– Панки, а ну разбежались! Полиция!

Здесь, в этом полу-тоннеле иногда тусовались местные старшеклассники, пили пиво, курили. Но сейчас тут никого не было, поэтому призыв Сашки остался без ответа.

Только Макс почти незаметно поежился от вопля Сашки. Саша еще больше уверился в глупости своей затеи, но все равно продолжил идти вперед.

Метров через 300 стены достигли уже совсем угрожающей высоты, здесь тоннель делал крутой поворот влево. Уклон становился еще больше, а впереди открывался вид на решетку ворот, за которой дорога уходила полноценно под землю, куда-то в темноту и черную неизвестность. Ворота были сварены из мощных армированных прутьев и закрывались на несколько большущих подвесных замков. Света в тоннель проникало крайне мало, и рассмотреть, что же скрывается там, в глубине, у пацанов не было никакой возможности. Парни в прошлом пару раз приходили к воротам с фонариками, но слабые лучи фонарей пробивали густой мрак лишь на пару-тройку метров вперед, освещая такие же беленые стены (только уже без художеств), асфальтированную дорогу, да погашенные больничные лампы на потолке.

Сейчас Сашка планировал кинуть пару петард за решетку, в пасть черного тоннеля. Они уже делали так пару раз. Это было весело, потому что эхо от взрыва тут получалось просто оглушительным. Однако петард сегодня у Сашки было мало, поэтому, когда пацаны добрались до ворот, он принял окончательное решение не тратить их сейчас.

Макс подошел вплотную к воротам, взялся за прутья и немигающими голубыми глазами уставился в черноту. Пустота молчала. Тишина была такой гнетущей, что Сашка буквально животом чувствовал холодную угрозу, исходящую из неизвестной темноты тоннеля...

– Не-е, – сказал Сашка, – Я хочу поэкономить снаряды. Давай не будем сегодня тут взрывать. Тут и ментов еще могут вызвать... Лучше в овраге потом рванем.

– Как бы открыть эти замки? – невпопад спросил Макс.

– Надо отмычкой! – с готовностью ответил Сашка. – Только у меня нет. Можно на рынке строительном купить.

– А они там продаются? – вяло спросил Максим.

– Вероятно. Надо будет проверить. Ладно, нечего тут делать. Погнали лучше на паутинку, в скалолазов играть! – выдвинул новое предложение Саша.

Макс также вяло пожал плечами, но не оторвал взгляда от сырой темноты.

– Сань, ты веришь в привидений? – тихо спросил Максим.

– Верить – не верю, но на кладбище ночью ни за что не пойду, – быстро ответил Сашка, и тут же пожалел, что упомянул кладбище. Вот же дурак! – Не, ну то есть какая-то хрень точно существует. Потусторонняя. Но ты не думай, вся нечисть – это от плохих людей. Хорошие люди после смерти точно попадают в какое-то кайфовое место! Сто пудов! Не то чтобы в рай, но что-то типа того, только веселый и без деда с белой бородой и голых жирных детей с крыльями. Наверное, там вечный пляж, тепло, море, пальмы... И салоны компьютерных игр бесплатные повсюду. Типа того...

Сашка лепил ахиною лишь бы только поскорей увести тему разговора куда-нибудь подальше от смерти и загробной жизни. Какой он же он все-таки дурак, что вообще вспомнил про кладбище!

Максим слушал болтовню Сашки, не отрывая взгляд от черноты тоннеля перед собой.

– ...Короче, не важно во что я верю или нет, – резюмировал Саша, – Пойдем отсюда, а? Пока нас панки не отзевздохали. Вместо привидений.

– А я верю, – тихо проговорил Максим. – Я верю, что если долго смотреть в темноту, можно увидеть все, что захочешь... Я хочу...

Максим вдруг дернулся, как от удара током, глаза его расширились, последние капли цвета сошли с его худого лица, и он сам стал похож на привидение.

– Чего там, Макс? – Сашка понял, что друг увидел нечто в тоннеле, и сам припал к прутьям решетки, пытаясь рассмотреть хоть что-то в темноте. – Я ни хрена не вижу. Темно, как в попе у носорога.

– Ты... Ты не видишь ее? – голос Макса был тонким и шершавым, словно бумага.

– Кого? Кого? – Сашу била мелкая дрожь. Вот еще только этого не хватало. Макс съехал с катушек. Ему мерещатся привидения. Докатались! И что теперь ему, Сашке, делать? “Скорую” вызывать? Но разве можно так предать друга – отправить его в дурку ни за что ни про что? Ну, нет.

– Там она, – прошептал Макс, – Я вижу маму. Она зовет меня к себе...

– Макс! МАКС! Посмотри на меня! – Сашка схватил друга за плечи и стал трясти, пытаясь заглянуть Максиму в глаза, – Тебе это кажется! Нет там никого! И надо срочно валить отсюда, пока мы окончательно не свихнулись! Тут проклятое место, зуб даю.

Макс смотрел на маму в странном белом костюме, похожем на форму фехтовальщицы на Олимпийских играх, только без шлема. Она была далеко, словно на дне глубокого колодца черноты, и Макс не мог разобрать всех черт ее лица, но кажется она что-то беззвучно кричала ему. Вокруг ее фигуры мерцал беловатый ореол. И она не стояла на полу тоннеля. Она парила в воздухе. И кричала, беззвучно кричала, и махала призывно рукой, зазывая, зазывая, зазывая Максима к себе.

Хлестко ударила открытая ладонь Сашки по щеке Макса. Голова Максима дернулась, щека мгновенно заалела.

Видение пропало.

Сашка отодрал руки друга от холодных прутьев решетки и насильно потащил его за собой. Прочь, прочь, прочь от черной дыры. Саше было все равно, если даже Макс обидится на него до конца жизни на пощечину. Главное сейчас было – вытащить друга из этого тоннеля. Подальше от этого треклятого бомбоубежища.

Наконец, стены слева и справа стали уменьшаться, пока головы пацанов не показались над поверхностью земли. Максим безмолвно повинился тащившему его за собой Сашке.

Ребята дошли до абсолютно пустой детской площадки, и Сашка усадил Максима на железную, мокрую скамейку. Сам присел на корточки перед ним, и начал внимательно смотреть в белое – за исключением краснеющей после пощечины – лицо друга.

– Так, давай пойдём ко мне домой, и позвоним твоему папе, чтобы он пришел пораньше. Ты, по ходу, заболел. У тебя видок фиговый. И вообще... Наверное, грипп, температура. Ты как себя чувствуешь?

– Да нормально я себя чувствую, – внезапно Макс огрызнулся, и довольно зло. – Никакой это не грипп. Я видел ее. Хрен с два ты меня переубедишь. Потому что я вижу ее. Я вижу маму.

– Видишь? То есть это происходит постоянно?

– Не постоянно. Иногда. Когда мне бывает особенно грустно. Я вижу ее в темноте. Чаще всего ночами, в своей комнате. Она всегда... Как будто очень далеко, как будто она на дне колодца. И светится.

– И что она говорит?

– Я не слышу, она слишком далеко всегда. Но она зазывает меня к себе. Машет рукой. Мне кажется, с ней что-то не так... Как будто что-то должно произойти.

Сашка уселся рядом с Максом. Он не знал, что ему сказать. Что сделать. Как помочь другу...

– Точно не хочешь папе позвонить?

– Да не хочу я, я ж сказал! Чего ему звонить, он все равно занят на своей тупой работе! Сидит там днями и ночами. И, главное, не верит мне! Вообще! Я ему рассказал про то, что мама приходит ко мне, а он – “стресс”, “потеря”, “к психологу пойдём”.

Максим замолчал и потупил голову. Саша молчал.

– А ты сам ее сейчас не видел, Сашк? – тихо спросил Максим.

– Не-а. Но, может, я плохо смотрел. Я на тебя пялился.

– И готовился звездануть меня ни за что ни про что!

– Ой, да ладно, я вполсилы!

– Я тебе припомню! “Вполсилы”, ага. Я тебе так втащу, что ошалеешь!

Кажется, Максим приходил в себя. По крайней мере, так показалось Сашке.

– Не втащишь! – отмахнулся Сашка, – Ты добряш-бардаш!

Макс начал шутливо колотить друга, и они сцепились в спарринге прямо на холодной мокрой скамейке. У Сашки отлегло. Кажется, кризис прошел...

Пацаны повалились на песок и продолжили, пачкаясь и сопя, бороться друг с другом. Они были примерно одной комплекции, поэтому никто из них не мог никак одержать объективную победу. Поэтому, когда Максу надоело, он вырвался из лап друга, вскочил на ноги и отбежал на несколько шагов. Сашка остался без сил валяться на песке, глядя в алюминиевую серость неба. Над ним нависла тень Максима, он протягивал руку другу.

Когда Сашка встал на ноги, Макс тихо произнес:

– Наверное, я свихнулся, вот и все. Но это ничего. Ничего... Че будем делать дальше?

Сашка поразился скорости, с которой Макс переключился с регистра “я сошел с ума” в регистр “какую бы ерунду еще учудить”. Саша чувствовал, что это как-то неправильно, не взаправду, что так быть не должно. Но что делать или как вести себя, он не знал. Он был еще слишком маленьким для этого.

Поэтому он и не придумал ничего лучше, чем сказать:

– Пошли лучше в падик. На лифте кататься.

В подъезде пахло сыростью и застарелым сигаретным дымом. Было тихо, пусто и полумрачно. Жилой дом на Каширском шоссе еще не взорвался, поэтому о дежурных по подъезду еще даже никто не задумывался. Весь дом молчал, была середина рабочего дня, почти все взрослые были на работах, а дети – в детских садах или школах.

Друзья оккупировали пассажирский лифт (в доме было два лифта – большой грузовой и поменьше, рассчитанный на двух-трех взрослых) и поехали этаж за этажом вверх. На втором этаже Сашка достал из рюкзака шариковую ручку, вышел на лестничную клетку и поставил рядом с нарисованной на стене двойкой маленький плюстик.

– Второй уровень пройден! – провозгласил он, вернулся в лифт и нажал на кнопку третьего этажа.

Макс тоже достал из портфеля с черепашками ниндзя ручку.

– Давай через один отмечаться, – предложил он.

Сашка был счастлив, что Максиму, кажется, хоть что-то стало интересно, и он с радостью согласился. Пацаны поехали “отмечать” этаж за этажом.

На каждой лестничной клетке их встречал примерно одинаковый пейзаж. Стены, наполовину окрашенные в светло-бежевый, наполовину в белый, красная цифра с номером этажа, пара-тройка нестройных граффити на стенах (матерных, в основном), окно и дверь на пожарную лестницу справа и дверь, ведущая в предбанник и затем к дверям в квартиры, – слева. Каждый этаж отличала лишь степень похабности граффити да фасон дверей предбанника. Где-то это были старые двухстворчатые деревянные двери с непрозрачными стеклами, а где-то –

массивные железные монстры, обитые псевдокожей, с кучей замочных скважин и выпученными смотровыми глазами.

Но на тринадцатом, Максовом, этаже все было по-другому. Совсем по-другому.

Стоило только Максиму выйти из лифта, чтобы поставить очередной плюстик (как раз была его очередь), Сашка почувствовал что-то неладное. Тут пахло как-то странно. И свет немного отличался, как будто за окном осенняя серость сменилась летней предгрозовой темнотой. Саша ничего не сказал и стал ждать, пока Максим оставит свою метку.

Но стоило Максиму дорисовать свой плюстик, как ребят оглушил мощный рев, словно прямо тут, на этаже, заработал с десятков реактивных двигателей. Саша на секунду инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, все вокруг изменилось.

Красные мигающие фонари подсвечивали клубящийся едкий, темно-рыжий дым. Вправо, насколько можно было судить в царящем мраке, тянулся бесконечный коридор, по стенам которого вились толстые кабели в белой, уже местами пригоревшей, оплетке. Слева, где в обычном доме должна была бы быть дверь в прихожую, стояли мощные ворота из блестящего металла с заклепками и двумя смотровыми люками.

Сашка отчаянно завопил и отпрянул вглубь лифта, одновременно нажимая на все кнопки разом. Макс, стоя посреди невесты откуда взявшегося тоннеля, замороженно озирался, не смея пошевелиться. Взгляд его упал на закрытые ворота с двумя круглыми иллюминаторами, стекла которых изнутри лизали оранжевые языки пламени.

У Макса похолодело в животе. Пол под его ногами накренился вперед, будто палуба корабля в шторме, и он отлетел на противоположную от лифта стену.

– Куда ты? Что это?! – вопил Сашка, умудрившийся остаться в лифте, зацепившись руками за створки.

Крен становился все больше и больше, грозя вот-вот вытряхнуть и Сашку из спасительного лифта вслед за Максом. Но был ли лифт таким уж спасительным? Он опасно скрежетал и бился в шахте, как подстреленный. Сашка протянул руку и крикнул другу:

– Хватайся! Надо сваливать отсюда!

Макс оторвался от стены, которая теперь накренилась градусов на 30, неуклюже перевернулся, лег на пол, ставший теперь на дыбы, схватился за руку друга и с трудом вернулся в кабинку.

К реактивному реву теперь добавился устрашающий звук металла, который корежила неведомая и неистовая сила. Однако крен несколько уменьшился. Пацаны пытались удержаться в лифте, Сашка давил на кнопку первого этажа, но ничего не происходило. У Макса слезились глаза, в носу стоял едкий запах гари.

– Жми на все! – крикнул он Сашке и сам начал бить по всем кнопкам подряд. Лифт не отзывался.

Сашка подумал было, что надо бежать к пожарной лестнице, но он больше не видел ни привычного окна во двор дома, ни двери на лестницу, ни мусоропровода. Все это исчезло. Остался лишь черный коридор, дым странного цвета и ряд мигающих красных фонарей на потолке, уходящий в бесконечность. Деваться было некуда.

В этот миг Макс случайно глянул на иллюминаторы в воротах, отрезавших парней от яростного пожара, бушующего там, где раньше была прихожая и двери в квартиры. В том числе – дверь в родную квартиру Макса.

Волосы встали дыбом на затылке Макса – в иллюминаторе он увидел лицо человека в шлеме, как у космонавта из будущего. Это была женщина. Лицо ее было искажено ужасом, поэтому он не сразу узнал ее. Маму он не видел уже целый год, поэтому черты ее живого, а не на фотографии, лица начали стираться из памяти Макса.

Но, несомненно, это была она. Живая. Так близко – достаточно только открыть ворота! Даже сквозь бешеный рев, царившей тут, Макс мог слышать, как мама бьет рукой в перчатке

в неподдающийся металл. Он видел, как огонь лижет ее странный скафандр, он видел, как начинает трескаться стекло визора ее шлема.

Макс, не думая ни секунды, бросился из лифта к воротам. Его глаза застилала слезы от дыма и страха. На этот раз он должен – обязан! – был спасти маму. Полтора года назад, когда маме поставили смертельный диагноз, папа сказал Максиму, что они больше ничего не могут сделать, чтобы спасти ее. И Макс тогда смирился. Ему пришлось.

Но не сейчас! Только не сейчас! Он не может потерять маму во второй раз!

Мама увидела сына. Иллюминатор с сухим треском разбился. Она протянула руку и схватила ладонь Макса, обжигая его. Из разбитого иллюминатора тянуло страшным жаром.

– Максик! Родной! Я нашла тебя!.. – голос мамы искажал динамик, передающий голос, но это был *ее* голос! – Боже, ты совсем еще ребенок!

– Мне уже 13! – на автомате ответил Макс, – Но мама, где мы?.. Что мне делать?!

Макс почти не мог больше говорить. Дым душил его, глаза горели, белые кудри его покрывал пепел. Он изо всех сил держал в руке горячий пластик перчатки, под которым скрывалась рука его мамы.

– Послушай, – хрипло проговорила мама. – Эту дверь невозможно уже открыть с твоей стороны. А с моей – электронный блок сгорел... У нас с тобой совсем немного времени, но я хочу, чтобы ты послушал очень внимательно. И запомнил! Пожалуйста, это очень важно! Понимаешь?

– Мама... Мама! Попробуй открыть!.. Пожалуйста! Может, ты сможешь пролезть в окно?!

– Сынок! Иллюминатор слишком маленький. Послушай, пожалуйста! Все будет хорошо, если ты меня внимательно слушаешь и сделаешь так, как я скажу!

– Ты вернешься?..

– Это не главное сейчас! Слушай! Ты должен найти самое страшное, темное и пугающее подземелье. Тебе нужно найти его как можно быстрее. У тебя осталось совсем немного времени перед тем, как все... Как будет поздно. Ты в очень-очень большой опасности.

– А ты...

– Родной! Я с тобой! Я всегда буду с тобой! Но сейчас тебе нужно как можно быстрее найти вход в твое подземелье. Тебе нужно найти самое темное место в твоём мире и пройти сквозь него. Повтори!

Что-то громко взорвалось. Их озарила мощная оранжевая вспышка. Макс невольно пригнул голову. Воздух прорезал отчаянный звук сирены, словно при бомбежке. Пол вновь накренился, в этот раз в другую сторону. Макс невольно выпустил руку мамы.

– Повтори! – отчаянно крикнула мама.

– **НАЙТИ САМОЕ ТЕМНОЕ И СТРАШНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ И ПРОЙТИ СКВОЗЬ НЕГО!** – завизжал что есть сил Макс, заливаясь слезами. – Но **ГДЕ оно?!**

В тот же момент раздался еще один, гораздо более мощный, взрыв. Ослепительно полыхнуло. Последнее, что увидел Макс – лицо мамы, которое на долю секунды озарил нестерпимый белый свет, ее серые добрые глаза и нежную улыбку. А потом свет поглотил и стер все-все-все вокруг.

Максимум. Совсем другое время, совсем другой мир

Максимум закрыл глаза и сфокусировался на настройках геолокации своего *рэй-эйра*. Ему вообще больше нравилось работать с закрытыми глазами – темный дизайн интерфейса *рэя* казался ему более стильным. *Рэй* послушно перешел в ночной режим, стоило Симу закрыть глаза. Перед его взором возникло уведомление мониторинга параметров тела – слишком высо-

кий пульс в состоянии покоя, рекомендуется медитация для снятия тревоги. Сим одним коротким взглядом отключил все уведомления. “Самое время, конечно, помедитировать, да, – подумал Сим. – OM Namah Narayana, ага, помогло, спасибо. То ли еще будет сегодня с моим пульсом».

Быстро запретив определение его геолокации во всех приложениях, в которых это было можно сделать легально, не нарушая законов *Директории*, Сим открыл виртуальный “черный ящик” с инструментами. Теперь ему предстояло вырубить функцию определения местоположения (и не только) в официальном приложении *Директ.Жизнь*. Вскрывать настройки основной программы гражданина *Директории* было категорически запрещено: это каралось минимум десятью годами высылки в глубинные колонии без права апелляции.

Директория... Сим почувствовал, как его кулаки непроизвольно сжались. В голове зазвучали слова отца: “Что б ты понимал – только благодаря *Директории* мы будем жить, а не бесследно сгорим заживо. Только благодаря *Верхнему* у тебя есть один на десятки миллионов шанс спасти свою жизнь, свою шкуру и свою личность!”

Сим повторил вслух то, что он ответил тогда отцу:

– Не хочу я спасать свою шкуру, а личность мне спасать и не надо! Она и так давно спасена, потому что я – в отличие от всех вас – *свободен!* И я лучше сгорю заживо, чем сяду с тобой в этот сраный ковчег. Так что спасайся сам, раз так любишь своего *Верхнего*. Пусть катится вся эта ваша *Директория* к черту. Я. Никуда. Не. Полечу.

Сим ни секунды не сомневался в своем решении.

Окей, сомневался, может, несколько (десятков) секунд. Конечно, ведь его пугала перспектива смерти в агонии под испепеляющими лучами сошедшего с ума Солнца, из-за которого через каких-то двадцать лет любая форма жизни на Земле будет невозможна (а в ближайшие тридцать лет – невозможна она будет и здесь, глубоко под землей, в почти спасительной сети шахт города *последней надежды* – Мирасити).

Появился входящий вызов. Александр. Друг. Родное сердце.

Сим почувствовал, что пульс его – и так слишком высокий – задрался совсем до небес. Он поспешил принять звонок.

– Ну как? – не здороваясь, бросил Алекс, одновременно включив камеру.

Сим увидел сосредоточенное лицо друга, подсвеченное ласковым солнцем северо-канадского лета. На заднем фоне шелестели жесткой листвой пальмы.

– Нормально, – ответил Сим, тоже включая камеру (он слышал легкое жужжание, с которым микроскопическая камера на подвижной комариной лапке появилась из *рэй-браслета* на его левой руке). – Как раз собирался заняться главным. Буквально только занес руку над *ящиком*.

– Хорошо, будь осторожен, Сим. Остался всего один шаг. Я тут жду.

– Все будет хорошо, – Сим не был в этом уверен на сто процентов, но аутотренинг (или приворот на успех) ему сейчас не помешает, – Через пару часов все кончится, и мы будем пить пиво в твоей жопе мира. Надеюсь, у тебя есть пиво?

– Есть одно.

– Иди-ка ты в задницу тропика рака.

– Ммм, она должна быть *очень* горячей... Ладно, не бухти, я запасаю парой ящиков. Но если вдруг тебе мало будет, слетаем к амишам за добавкой.

– Амиши разве пьют?

– Пьют, но мало. А варят много. Так что у них всегда есть, чем поживиться.

– Давай-ка без этих подробностей, – Сим внезапно вспомнил, что их беседу, скорее всего, после того, как он исчезнет, будут очень внимательно прослушивать в *СБ Директории*. Упоминание амишей – лишняя зацепка, которой у этих людей быть не должно.

– Да, брось. У *эсбэиников* сейчас и без тебя хлопот хватает. Короче, давай, двигай резче. Жду.

Однако Сим боялся не столько службы безопасности, сколько своего вездесущего отца. Вслух он об этом не сказал. Загорелое лицо Алекса перед глазами Сима сияло белозубой улыбкой. Его черные длинные волосы были мокрыми, на плечи была накинута зеленая рубашка с затейливыми узорами. Наверное, он только недавно искупался в океане. Смелый человек этот Алекс. Океан – не самое безопасное место нынче. Радиоактивные течения, склизкие монстры, неизвестные человечеству, смертоносные вирусы и стаи голодных паразитов...

Сим улыбнулся своей грустной улыбкой, запустил руку в белокурую шевелюру, сделал глубокий вдох и выдох и ответил:

– Я спешу. Изю всех сил спешу.

Часть 2

Максимус. Совсем другое время, совсем другой мир

Максимус никогда не забудет день, когда он познакомился с Александром. Когда это было? Лет двадцать назад... Тогда все было по-другому. Тогда только начала брезжить первая надежда на спасение. Папа и мама Максимуса целыми днями и ночами пропадали на работе – на них были обращены взгляды всего мира. Новостные сводки были полны оптимистичных прогнозов. Конец света впервые перестал казаться неотвратимым.

Макс был предоставлен самому себе. Он формально числился на факультете искусств Мирасити, но лекций не посещал, вместо этого днями и ночами просиживая в Интраскопе, слушая древние музыкальные записи и смотря старые фильмы.

Максу гораздо интереснее было прошлое, чем будущее. Кажется, он был такой один во всем мире. Особенно отчетливо он понял это во время своего первого – и последнего – выступления в клубе «Последняя космическая».

Макс давно хотел исполнить несколько старых песен со сцены и каким-то чудом уговорил программного директора «Последней космической» пустить его с выступить с небольшим сетом. Видимо, директор знал, чей он сын, и побоялся отказаться.

Макс вошел в зал. Гремел драм-спид-бит, под который бесновалась абсолютно пьяная толпа, в которой молодые вояки изображали какие-то вуду-пляски, почти обнаженные девушки висели на шестах, а за столиками отчаянно пили молодые и не очень жители подземелий.

Зал пах водкой, потом и отчаянным забытьем.

Макс сжал сильнее правую руку, в которой держал ручку чехла с древним музыкальным инструментом – гитарой. Он понимал, что делает что-то очень глупое. Но уже не мог остановиться. В его фантазии он видел просветленные лица зрителей, слезы в их глазах, улыбки радости, узнавания, сочувствия. Единение.

И в конце концов – желание свободы.

Программный директор с размаху хлопнул Максимуса по плечу.

– Ну что, парниша, готов задать древнего жару! – проорал он Максусу в ухо, перекрикивая оглушительные басы.

– Не думаю, что сейчас хорошее время... Может, лучше попозже, когда они устанут колбаситься?

– Они не устанут, – директор вонял на Макса перегаром и грибным супом, – Уж лучше сейчас, потому что еще полчаса – и начнется настоящие побоище. Сегодня публика буйная. Поверь мне, я это волосами на жопе чувствую!

Максимус тяжело вздохнул. Тупая идея все-таки. И зачем ему это вообще надо?

Но сомневаться было поздно. Программный директор схватил Макса железной лапой и потащил на сцену. Музыка, по мановению директорского *рэй-эйра*, начала замедляться, громкость потихоньку поползла вниз.

Танцующие (корчащиеся в припадках?) недовольно зашумели, но двигаться стали чуть медленнее и плавнее. Директор подключился к звуковой системе и проорал в зал:

– А сегодня – необычный сюрприз для вас! Настоящее – живое – выступление! Максимус Поярков сыграет и споет для вас несколько древних мелодий. Такое вы вряд ли где-нибудь услышите или увидите! Если конечно, не в ваших привычка лопатить допотопные архивы Интраса...

Толпа неодобрительно загудела, но где-то раздались смешки и приветственные возгласы:

– О! Покажи нам, как отжигали наши прадеды...

– Давай, мочи, чувак, побренчи нам!

– Только недолго, а то мы уснем на хрен...

Максимум вышел на сцену и расчехлил гитару. Директор выдал ему доступ к музыкальной системе, и Макс подключился и направил микрофон браслета на гитару. Вынул губную гармошку на штативе, крепящемся к шее, чем вызвал бурный смех. Но он сделал вид, что не обратил на ржач никакого внимания. Взял несколько аккордов и откашлялся.

– Первая песня, – сказал он глубоким бархатным голосом, которым так гордился, – Хит середины двадцатого века. Девушки сходили с ума от этой песни.

Максимум тряхнул светлыми кудрями и обвел зал глазами. Народ смотрел на него с нескрываемым любопытством, как на макаку в зоопарке.

Макс заиграл первые аккорды на гитаре, выводя на губной гармошке основную тему песни.

Публика взорвалась оглушительным хохотом и свистом. Народ бесновался. Кто-то катался от смеху по грязному полу. Кто-то бил стаканы.

Но к моменту, когда Максимум добрался до первых слов песни – *Love, love me do, You know I love you* – зал уже превратился в настоящее светопреставление. Веселость сменилась яростной ненавистью. Кромешный ад.

На сцену полетели сначала бутылки, а потом – понеслись и разъяренные ожившие спиртовые бутылки, не очень хорошо стоящие на ногах, но хорошо машущие кулаками.

Максимум бросил играть и стал медленно отступать, ошеломленно глядя на толпу, грозящую вот-вот разорвать его на много микро-Симов.

«Боже, эти ребята совсем не любят «Битлз», – с тоской подумал Макс, – Интересно, что их так расстроило?»

Толпа орала на разные лады:

– А ну пошел вон отсюда! Древний прыщ!

– Пошел вон, чертово отродье прошлого!

– Блевота!

– Мужеложеское гавно!

– Какие девчонки любили это? Наши дамы такое никогда не будут слушать...

Максимум прижал гитару изо всех сил к себе. Толпа была близко. Эх, жалко древний инструмент, они же его разобьют вдребезги!..

Внезапно дорогу толпе перекрыл странный тощий тип в длинном черном пальто, в смешной древней кепке козырьком назад и с огромными тоннелями в мочках ушей. Он рявкнул в динамики стереосистемы (и как только он получил к ним доступ?): «А ну пошли прочь, говнюки!» – и с невероятной для такого хлипкого телосложения силой засветил паре наступавших гопников в табло. Гопники, хрюкнули и повалились без движения на пол сцены.

Воспользовавшись коротким замешательством, парень схватил Максима за руку и потащил к ближайшему телепорту. Через мгновение, они оба оказались совсем в другой части Мирасити, вдали от беснующейся толпы. Парень в пальто был молодым, примерно того же возраста, что Макс, черноволосым и сероглазым. Нос его был проколот, а на шее сверкала неонов татуировка. Максимум знал этот древний символ. Лапа вороны в круге. Пацифик. Знак мира.

Парень улыбнулся и протянул руку Максиму:

– Меня звать Александр. И не благодари. Ты классно начал играть «Битлов», мне понравилось. Хотя я больше парень Боуи. Ты – Максимум?

– Можно просто Сим. Боуи я тоже хотел играть. «Стармэна».

– У-гы-гы! За «Стармена» там тебя моментально кастрировали, бро! Я вообще не понимаю, чего ты с в этом месте ловил? Не, за смелость и кураж тебе, конечно, пятерка, но это дело было безнадежным с самого начала...

– Я предчувствовал... И правда, хрен знает, чем я думал.

– Явно не башкой. А ты, случайно, не родственник этих знаменитых ученых – Пояровых?

– Поярковых. Да, сын. К сожалению.

– Почему к сожалению, бро! Они же нас всех спасут! Это же так круто! И тебя они спасут в первую очередь!

– Отличная новость.

– Ой, а то ты умирать будто бы шибко жаждешь? Что, Моррисон и Кобейн покоя не дают? Поверь, если бы им кто предложил пожить лет по 400, как *Верхнему*, они вряд ли бы они отказались.

– Ладно, я не люблю говорить о моих родаках. Я домой пойду, наверное. А кстати, где мы? Почему за нами никто не телепортировался из этих орков?

– Это секретная локация. Я стер при отправке координаты из памяти телепорта. Никто не должен знать про это место.

– Ну, теперь я знаю.

Максимус осмотрелся. Они были в небольшом, полутемном помещении с грязноватыми стенами. Помещение было похоже на шахту. Или трубу. Под ногами – металлический решетчатый пол. Под ним, далеко внизу, медленно вращаются два огромных вентилятора. В стене только металлические двери телепорта и скобы лестницы, ведущей куда-то вверх.

Макс поднял голову и обомлел. Над ним вместо потолка далеко вверху сияло звездное небо.

Настоящее звездное небо. Не видео на экране, как у него дома. А настоящее, высокое небо, бесконечное, звездное.

– Где мы? – шепотом спросил потрясенный Макс.

– Полезли, сам увидишь, – усмехнулся Александр. – Оно того стоит.

Саша и Максим. Земля, обычный Город

После хаоса и необъяснимой жути последних пяти минут тишина казалась абсолютной. Макс лежал навзничь на бетонном полу лестничной площадки тринадцатого этажа. Сашка вжимался в стену лифта.

Вокруг все было, как раньше: двухцветные стены, мусоропровод, окно, обычные двери.

Внезапно мертвую тишину взрезал отвратительный скрежет створок лифта, которые начали сами собой закрываться. Сашка машинально подставил ногу, и створки разъехались обратно.

– Макс, ты жив? – голос Сашки был тонким-тонким, словно стеклянным, и дрожал.

Макс приподнялся и посмотрел на то место, где только что были неприступные ворота, отделяющие его от пожара и от мамы. Теперь здесь была обычная деревянная, весьма хлипкая двухстворчатая дверь. Более того, как и последние несколько лет вместо замка в двери зияла сквозная дыра. Макс поднялся на ноги, молча потянул за ручку знакомую до степени родства дверь и сунул голову в прихожую.

Счетчики электричества. Желтый линолеум на полу. Четыре железные двери, ведущие в квартиры, обитые дерматином разных оттенков коричневого уныния. Старые алюминиевый санки Макса рядом со входом в его жилье.

– Ма-а-а-кс? – снова выдавил из себя Сашка. – Что это было? Ты это тоже видел?

Макс не ответил на вопрос. Створки лифта снова поехали закрываться. Сашка не решался выйти из него. Он снова подставил ногу.

– Пойдем ко мне. Мне надо позвонить папе, – прошептал Макс. И добавил чуть громче: – Ты же видел ее?

Макс вышел из кабины, двери за ним закрылись, и лифт покатился вниз как ни в чем не бывало. Однако Макс сразу понял, что в мире все кардинальным образом изменилось. Обычно из окна напротив прихожей открывался вид на унылые окраины большого города под серым небом. Теперь вообще никаких окраин не было видно, мир был залит тревожным оранжевым светом, а на небе клубились неестественные, громадные, низкие-низкие черно-багровые тучи в кроваво-красных прожилках.

– Я не видел почти ничего, – ответил Макс. – Тут была какая-то космонавтка?.. Ты сказал, что она твоя мама. Но она же...

– Да! Это взаправду была она! Я ее видел!.. ВИДЕЛ! – внезапно выкрикнул Максим и отчаянно заревел.

Было очень стыдно – плакать на глазах лучшего друга, но он больше не мог сдерживаться.

Сашка не знал, что делать, чтобы успокоить друга. Он хотел обнять его, но отчего-то стеснялся. Поэтому он лишь тупо смотрел на Макса, а про себя отчаянно просил своего выдуманного друга и защитника, – который уже не раз его спасал в сложных жизненных ситуациях, – чернородого капитана Сторма – о помощи. Но капитан молчал и не появлялся. А Максимка продолжал плакать, даже не пытаясь вытирать слезы. Он достал ключ из рюкзака и открыл дверь в прихожую.

Ребята завалились в квартиру. Вдохнув знакомый запах дома – мужской одеколон, немного табака, осенние листья, которые они с папой собрали в лесу в прошлую субботу – Максим чуть-чуть успокоился. Родные стены, кажется, вернули его из кошмарного сна в реальность.

Но – ненадолго. Макс привычным движением бросил рюкзак на пол, повесил куртку на вешалку и сбросил ботинки. Тогда же он заметил, что по полу в квартире как будто стелется тонкий-тонкий, едва различимый дымок. Макс принюхался. Гарью не пахло. Он быстро, не говоря ни слова, побежал на кухню. Старенькая плита “Электра 1001” была выключена. Макс проверил все три комнаты. Нигде не горело, не дымило. Все было спокойно, как было оставлено еще утром. Большая комната, где они с папой смотрели вчера на маленьком телевизоре футбол. Папин стол в углу, заваленный бумагами. Спальня родителей, в которой никто после смерти мамы не ночевал. Они с папой вообще теперь редко туда заходили. Комната Макса – беспорядок, игрушки на полу, неубранная кровать (“папа ругаться будет, опять я забыл навести марафет”). Тем временем Сашка пошел на кухню и стал смотреть из окна. Макс присоединился к другу.

За окном небо продолжало набухать какой-то неестественной, потусторонней силой. Оно было похоже на давно нарывающий гнойник, грозящий вот-вот лопнуть и залить мерзкой жидкостью и кровью все вокруг. В черных тучах сверкали всполохи, облака клубились, наползая друг на друга, теснясь, угрожая.

Макс перевел взгляд вниз. Во дворе не было ни души. Люди исчезли. По дороге, видневшейся вдалеке, не ездили больше автомобили. А там, где должен был быть пустырь, а за ним овраг, в котором текла мелкая речка-вонючка, – теперь не было ничего. Мрак поглотил горизонт. Вместо пустыря и оврага – серый туман, за которым совершенная пустота.

Макс прошептал:

– Так не должно быть...

Затем он бросился к телефону, висящему на стене. Макс хотел позвонить папе на работу (с тех пор, как умерла мама, он запомнил номер папиного института). Но трубка была глухой. Гудка не было. Максим положил трубку на рычаг и снова снял. Тишина.

Саша смотрел вопросительно на Максима.

– Нет гудка...

– Проверь провод, – предложил Сашка.

Макс вытащил из телефонной розетки штепсель и снова воткнул. Ничего не изменилось.

– Блин, – тихо выругался Сашка. – Я пойду к себе домой. Может, мама вернулась с работы уже...

– Подожди! Вдруг это зомби-апокалипсис? Может, не надо высовываться?

– А вдруг у меня дома телефон работает? По любому надо найти наших родаков...

– погоди тогда, – ответил Макс. – У меня есть ножик. Типа мачете. Острый. Мне Гречников подарил.

Гречников (“Гречка”) был богатеньким одноклассником друзей, который хотел дружить со всеми вокруг. Но он заикался и от этого говорил очень странно, долго, отрывисто, поэтому в классе его считал тупицей и никто с ним не водился. Никто, кроме Сашки и Максима (Сашка близко сдружился с Максом и Гречкой после того, как порвал со своей “крутой” компанией – Денисом и Валеркой – из-за случая с игровыми автоматами). Гречников отвечал ребятам взаимностью и всегда дарил пацанам крутанские подарки, которые привозил из – диво-дивное! – аж из заграничных путешествий с родителями. Вот и сейчас сам Гречка был с семьей где-то чуть ли не в Испании.

Макс и Сашка пошли в детскую, где Макс стал шарить по ящикам письменного стола в поисках ножа. Наконец, он выудил из-под груды «Турбо»-фантиков эффектный нож с кривым лезвием. И вовремя. Потому что в прихожей кто-то рванул входную дверь с такой силой, что та с грохотом ударилась в стену. Эхо раскатисто ухнуло по подъезду, и снова стало страшно тихо.

Ребята в ужасе замерли, глядя друг на друга огромными глазами.

– Ты закрыл дверь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.